

УДК 1 (091)

Сборник "Вехи": философские и идеологические мотивы

В.В. Сербиненко

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье представлен анализ философских и социальных воззрений русских мыслителей начала XX века, объединенных идеей "Вех", их оценка состояния духовной культуры русской интеллигенции, ее готовности к критическому восприятию действительности, способности противостоять любым формам проявления диктата.

Abstract. The paper analyzes philosophical and social views of Russian thinkers of the early twentieth century. These ideas were presented in the "Milestones". The thinkers gave assessment to the spiritual culture of the Russian intelligentsia and its readiness for a critical view of reality, ability to withstand any form of dictatorship.

Ключевые слова: "Вехи", русская интеллигенция, русская философия, правосознание, нравственность, духовность

Key words: "Milestones", Russian intelligentsia, Russian philosophy, sense of justice, morality and spirituality

1. Введение

Необходимо признать, что знаменитый сборник "Вехи" (1909) имел не столько философский, сколько мировоззренческий характер. Впрочем, авторы "Сборника статей о русской интеллигенции" – М. Гершензон, Н. Бердяев, С. Булгаков, А. Изгоев, Б. Кистяковский, П. Струве, С. Франк – именно так и понимали свою задачу. "Вехи" должны были не только отразить отказ самих авторов от прежних идеологических фетишей, но и серьезно повлиять на умонастроение интеллигенции, предложить ей новые культурные, религиозные и метафизические идеалы. Недооценивать значение "Вех" было бы неверно: это важнейший документ эпохи. Но он интересен также и потому, что в нем достаточно ярко отразились как сильные, так и слабые стороны "нового религиозного сознания" интеллигенции. Авторы сборника, вскрывая разнообразные формы идеологической несвободы нескольких поколений российской интеллигенции, сами были еще далеко не безупречны в новой для себя религиозно-метафизической роли. На страницах "Вех" явно идеологические инвективы соседствуют, иногда странно переплетаясь с метафизическими идеями.

2. "Вехи" о духовном облике русской интеллигенции

Призывы "Вех" к покаянию и переоценке пройденного пути, всесторонняя критика различных сторон российской жизни в ее прошлом и настоящем, даже основное требование – вернуться к духовным, религиозным истокам – все было подчинено единой цели, *идеологически* сплотившей достаточно разнящихся по своим философским и социальным воззрениям авторов сборника. Требовалось ведь не просто запечатлеть духовный облик российской интеллигенции, хотя бы и с предельным реализмом изображения отрицательных черт, но вынести приговор, причем максимально убедительный и потому бесповоротный. Отсюда максимализм оценок и выводов, часто не соответствующий реальным результатам ведущейся критики.

Сама критика, безусловно, не была лишена глубины и реализма. В этом отношении можно выделить статьи Б. Кистяковского ("В защиту права") и А. Изгоева ("Об интеллигентной молодежи"), где псевдометафизическая патетика практически отсутствует. Первый, не ограничиваясь своим общим постулатом о равнодушии к праву российской интеллигенции, всецело погруженной в решение моральных и политических задач, ищет конкретные причины слабой развитости правосознания у образованной части русского общества. В резкости оценок "интеллигентской" идеологии юрист Кистяковский не уступал соавторам, но в своих социально-психологических характеристиках избегал "метафизических" обобщений и в итоге рисовал картину не безнадежно кругового, идейного топтания на месте, а медленного, болезненного, но уже имевшего реальные результаты процесса усвоения правовой культуры русской общественностью. В статье речь шла о естественной ответственности образованного класса за развитие "организаторских талантов русского народа", которому, "несомненно, присуще тяготение к особенно интенсивным видам организации", о чем "достаточно свидетельствует его стремление к общинному быту, его земельная община, его артели и т.п." (*Кистяковский, 1909*).

Впрочем, как и все авторы сборника, Кистяковский был увлечен розыском непосредственных "ответчиков", в данном случае за правовое неблагополучие, и таковыми он признал славянофилов, чье "ложное предположение об исключительно этической ориентации сознания нашего народа" помешало интеллигенции "прийти на помощь народу и способствовать как окончательному дифференцированию норм обычного права, так... и их развитию" (*Кистяковский, 1909*). Может показаться, что такой вывод вступает в явный диссонанс с общим тоном веховской "философии", ведь на страницах сборника о славянофилах неоднократно говорится как об идейных предшественниках, которых интеллигенция не поняла и не захотела услышать. У Кистяковского же выходит как раз наоборот: услышали и усвоили именно идеи славянофилов.

Но если иметь в виду основную тенденцию сборника, то противоречие это кажущееся. В целом либерально-радикальная школа, которую прошли авторы "Вех", определила направление книги, хотя прежние идеи и приобрели новую традиционалистскую окраску, и была проведена ревизия либерального наследства. Кистяковский "атаковал" славянофилов по прежней схеме, другие же (Бердяев, Булгаков, Гершензон) были склонны ограничиться признанием их культурной роли, религиозно-консервативного значения идеалов.

А. Изгоев дал в своей статье своеобразный социологический портрет российского студенчества начала века. В нем немало точных деталей, свидетельствующих о том, как противоречия семейной жизни интеллигенции, сложившаяся система образования и общий моральный климат сказывались на ситуации в молодежной среде. Но надо учесть, что Изгоев (так же как и Кистяковский) писал о проблемах, которые тогда обсуждались достаточно постоянно и гласно. Не случайно Изгоев вспоминает одну из работ на эту тему В. Розанова (1990). Последний по этим вопросам успел сказать очень многое. Показательно, что, подчеркивая свой пиетет перед "замечательным писателем" (Розановым) и приводя его характеристику российского студенчества, Изгоев находит ее все же слишком идиллической.

В чем только не упрекали В.В. Розанова (причем с самых различных сторон): в беспринципности, юродстве, очернительстве, попрании идеалов, но недостатка критицизма за ним никогда не отмечалось. Однако на страницах "Вех" подобная претензия выглядит совершенно естественной. Розанов удивительно тонко чувствовал ценность противоречивого многообразия культурной и исторической жизни и, когда хотел, легко избегал односторонности в оценках. Общая же тенденция "Вех" требовала однозначных выводов; и созданный Розановым образ русского студенчества – "духовного казачества" – для этой цели никак не подходил.

3. Критика идеологии русской интеллигенции

В сборнике русской интеллигенции предъявляются различные обвинения; есть различия и в определении степени ее вины. Упрек Н. Бердяева – за непонимание самоценности истины и соответственно самостоятельного значения философского и всякого иного духовного опыта и за признание интеллигенцией "деспотического господства утилитарно-морального критерия" – был обоснован. В то же время, отлучая интеллигенцию от подлинной русской философской традиции, Бердяев признавал, что "в русской философии есть черты, роднящие ее с русской интеллигенцией, – жажда целостного мирозерцания, органического слияния истины и добра, знания и веры" (Бердяев, 1909). С. Франк же, делая, по его собственным словам, "логический скачок", заявлял, что "морализм русской интеллигенции есть лишь выражение и отражение ее нигилизма" (Франк, 1909). Интеллигентская "правда" тем самым осуждалась безоговорочно.

Определенный "скачок" в своем критическом пафосе совершает и М. Гершензон, что особенно бросается в глаза на фоне предшествующей его выступлению статьи С. Булгакова. Последняя выдержана в духе классической проповеди, и автор, сравнивая вслед за Достоевским российскую интеллигенцию с евангельским бесноватым, указывает традиционный путь исцеления – путь смирения и веры. М. Гершензон также пишет о "болезни", об интеллигенции как о "кучке искалеченных душ", но в своих выводах еще более резок: духовно исцелять, оказывается, некогда, в России "личностей не было", "интеллигенция была безлична, со всеми свойствами стада". Слишком поспешно сконструировав нечто вроде философии личности и историософии, Гершензон утверждал, что будь в России хоть горсть цельных людей с развитым сознанием, т.е. таких, в которых высокий строй мыслей органически претворен в личность, деспотизм был бы немислим. Эта не утратившая и по сей день определенной популярности идея выглядит, по меньшей мере, странной. Тем более, что признанный знаток русской культуры (а Гершензон им, несомненно, был) в своей статье находит немало лестных слов для характеристики ее достижений и ее творцов.

4. Заключение

Естественно, в рассуждениях веховцев о "горсти цельных людей" нет ничего метафизического, зато есть вполне очевидная связь с различными вариантами концепции "критически мыслящих личностей", которая была важным элементом критикуемой в "Вехах" идеологии радикальной российской интеллигенции. В том, что в "Вехах" идеологические мотивы явно преобладали над философскими размышлениями, нет ничего удивительного. Цели сборника и были преимущественно идеологическими. И, конечно, потребовался не один год, чтобы Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк смогли в полной мере определить собственные религиозно-философские воззрения.

Литература

Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда. *Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., тип. В.М. Саблина, с.27, 1909.*

Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание). *Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., тип. В.М. Саблина, с.138, 1909.*

Розанов В.В. О студенческих беспорядках. Соч. В 2 т. М., Правда, т.1, с.121-128, 1990.

Франк С.Л. Этика нигилизма. *Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., тип. В.М. Саблина, с.172, 1909.*